

Виктор Авива Свинарев

ЛЕГЕНДЫ, ИСТОРИИ, ВАРИАЦИИ
МАЛЕНЬКОГО ГОРОДКА
НА БУКВУ

“Щ”

Самая большая Луна по нашу жизнь

РАССКАЗЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

Виктор Авива Свинарев
Легенды, истории,
вариации маленького
городка на букву «Щ».
Рассказы. Книга первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48478402
ISBN 9785005064578

Аннотация

Вечная жизнь провинциальной моей родиныВ основу рассказов приняты живые факты. И читатель подтвердит это. Тут нет войны, но есть люди, которые были на ней. Присутствуют также те люди, которых в наше время вылечила успешно бы и медицина, и органы государственной власти.Но этим они нам и дороги!!Книга о тяжелой жизни, но она была, есть и пусть всегда будет с нами! И мы должны знать цену, чтобы платить за всё, и за свою жизнь, и за свое Отечество...Не смеяться, не плакать, а понимать!

Содержание

Синописис	5
Самая большая луна по нашу жизнь	8
Белые поля на нашей истории	25
Новая Таволжанка	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

**Легенды, истории,
вариации маленького
городка на букву «Щ»
Рассказы. Книга первая**

Виктор Авива Свинарев

© Виктор Авива Свинарев, 2019

ISBN 978-5-0050-6457-8 (т. 1)

ISBN 978-5-0050-6458-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Синопсис

Художественная книга-фрактал по истории одного маленького городка, где-то на юго-западе России. Судьба, приключения и просто жизнь жителей составляет сущность, ядро этой первой книги рассказов. Равно как и в последующих. Это тот тип книги, которая пишется всю жизнь и каждому читателю тут есть свое.

Нашей жизни, простой, общечеловеческой, такой вечной и такой хрупкой, во всех ее проявлениях, жизнь, когда многих персонажей уже нет на свете, как нет и того времени. И это все – мы, это все – наше.

Ведь теперь это не просто прошедшая жизнь, а уже наша общая история. В которой, есть место всему. Вспомнить и прожить заново, хоть и другое, но общее для нас, прошлое. Где улыбнутся, а где подумает, как же так вышло?! А иногда пусть лишь только дрогнет сердце.

Потому что придут вновь другие времена, когда нас не будет, и от нашей жизни останется всего лишь только кусочек-фрактал. Но вот неуловимое, что-то типа заветного и общего, будет продолжаться и далее. Но это будет уже в другой жизни. Той самой, за которую, нужно и должно соответствовать и отвечать.

Автор надеется, что читатели не будут равнодушны к судьбам героев этой книги. Потому, что написано про мно-

гое, что было в нашей общей жизни, общей истории.

Книга состоит из 16 рассказов. Пусть каждый читатель найдет своего героя, своего недруга врага и своего противника. Автор заверяет, что факты, в основе художественных рассказов в этой книги взяты из действительной жизни.

Истории и легенды, потому что есть иные, трагические, но все перекрывается простой и такой нужной нам всем, пока живущим, жизнью. Не надо забывать, что в нашей жизни есть место не только подвигам.

И особо надо учесть, что слова Бог и Интернет в этой книге рассказов всегда пишутся с Большой Буквы.

Как и зачем что то, из нашей общей жизни, обращается в легенду или в историю. Зачем на одни и те же вопросы надо отвечать вечно! И почему всегда – лично? Для чего это: и жизнь, и смерть, и почему любовь такая разная, и такая одинаковая.

Все это такие личные вопросы, что на них невозможно ответить прямо. Если только, глядя на закат. Или, на теплое море. Либо же на сентябрьское облачко, теплое, как это ушедшее навсегда лето,

Так пусть и эта книга рассказов про нашу жизнь будет таким же дымным облачком, которое было и теперь уходит дальше. Но и оставило мету, мгновение в вашей жизни.

Вот про эту мету и говорят, что это и есть легенда.

Книга провинциальных рассказов, тут и старина и современность, и то что было с нами всеми за все два десятка лет, что когда — то мы прожили вместе, в одной стране.

Такая незаметная, трудовая тяжелая жизнь, но она наша!
И мы должны знать ей цену.

Автор

Самая большая луна по нашу жизнь

*Вот такие грибы растут в нашем городе,
на нашем кладбище.*

В это столетие, в этот век, год, именно в этот осенний месяц, один раз в нашу жизнь, должна была быть, должна войти в нашу жизнь самая большая Луна. То есть, в этот день, наша Луна приблизится к Земле на самое короткое расстояние.

Она вообще будет больше, чем когда либо. Если только, конечно, я не забуду этот день, не засну ненароком, и если будут хорошая погода. Это будет больше, чем можно себе представить и вряд ли в моей жизни такое будет повторно.

Но это только если будет хорошая погода, если вдруг выпадет день в этой очереди дождливых, почти осенних, дней. А пока все было против меня.

Но в тот день, к вечеру, какая то сила погнала меня в лес, по грибы. Сила же эта проявлялась, как материальное вещь. В правом кармане, в виде маленькой стограммовой бутылочке крепкого напитка. Бутылочка эта безымянная была, памятна по тем дням, когда самолично я гнал свой самогон. Несколько раз бросал это дело. Но как только на государственном горизонте вновь начинает маячить очередное запрещение алкоголя или повышение цены, я сразу вспоми-

наю, в каком месте гаража находится личный аппарат моего малого сопротивления государственным реформам.

Но поскольку я не мог определить, вспомнить, что именно налито в бутылочке приходилось полагаться на свою верность родине и патриотизм, что никого я не хотел отравить или лишить разума. И еще на то, что мой самогон самый лучший, особенно под вечерней луной.

И какова крепость этого напитка, обладавшего почти стеклянной голубиной прозрачностью. Такое пить дома было страшновато. Но взял с собой, как раз на такую прогулку

Почти без листьев был мой знакомый вечерний лес.

Насквозь просвечивающийся, с лиственным чистым ковром внизу. И так везде – куда не кинешь взгляд в этот лесной осенний вечер. Хотя это не мешало моим самым большим грибам в русском лесу, расти выше упавшей листвы, выделяться своей светлой в коричневую крапинку, просторной шляпкой среди разноцветного, цифрового изобилия осенних красок. Вообще-то мне повезло, что в этот день дождя вообще не было и небо, даже вечером, сияло чистым.

И еще эти грибы их в нашей местности считали за поганку. Вот почему у меня их была уже целых пять штука. И пока я их нес собой как букет. Это всего после двух полянок, а таких полянок для меня было четыре. На третьей мне посчастливилось сорвать уж совсем диковинный одиночный гриб. Я его увидел, только потому что в темном кусту светились два глазка, светом, так прямо кошачьи. Упал перед ними на ко-

лени, а это круглые грибные шляпки их блестят. Словно жиром, сияющим и липким, помечены. Один гриб рассыпался прямо в руках, другой очутился в моих ладонях. Удивился, как он похож, словно я в руках держу крепкий и тяжелый морской камешек. И еще, третий, чуть дальше..

И по причине хрупкости и сильного запаха нес его в свободной руке, вместе с приготовленным ножичком, который длиной в те самые разрешенные законом в двенадцать сантиметров.

Но и темнело слишком рано. Вот видны уже только стволы деревьев и на удивительно чистое небо вверху. Этот лес за первым городским кладбищем был известен мне с самых детских лет. И решил я возвращаться не лесом, а через кладбище, что располагалось рядом с опушкой.

Кладбище это номер один, первое городское, и тут уже давно проложена асфальтовая дорога. Так что не надо бить ноги о корни и бояться незнакомых темных деревьев. Перехватил сумку и ввалившись в очередную яму – военный блиндаж, принужден был поспешно карабкаться обратно. Вот и дорога. Уже что-то блеснула на линии асфальта. И только я подумал о том, что это такое, как вдруг увидел на себе, что кто-то смотрит прямо на меня. Неотрывно. Чуть сбоку. И на первый взгляд это было нечто вроде фары автомобиля тех, кто охранял эти леса от местных жителей и добытчиков.

И только лишь тогда понял, что это и в самом деле была

огромная луна, она, как красная мощная фара, висела внизу между темных стволов осеннего леса. Я приостановился, дивуясь на новое чудо. Сейчас она, и в самом деле, была другой. От гриба в правой руке отвалился приличный кусок ножки. А я еще хотел положить в карман. И по рассуждению положил, как конфету в рот. Вначале пресно, пахло грибом, лесом. А потом обожгло нёбо перцем, но ничего, терпимо. Не выплюнул. У меня уже было такое приключение.

А вот такой Луны я ее не видел никогда! И теперь идти дальше мне хотелось рядом с нею. На чистом поле она была еще великолепней. Четкий насыщенный, ярко-красный свет новой Луны на всем. Даже асфальтовая дорога вдалеке, а она кончалась почти у самого мелового карьера, и та освещена и поблескивала кварцевой крошкой.

И уже на опушке тень от меня была длиннее, чем от солнца в летний день. Я бодро, все ж таки дорога шла под уклон, шел домой и опять меня внезапно повело. И я не пожалел, что пришлось закусывать мой крепкий самогон да шляпкой нового гриба.

Но вот уже само кладбище. Все эти новые могилки, в ворахах венков, букетов и, как правило, портреты-фотографии с бывшими живыми глазами, стоящие на гребне могилки.

В этот поздний осенний час, когда люди вновь привыкают к долгому телевизору, тут не должно никого быть. Я прошел еще пару твердых шагов, и до меня снова донесся крик. Но теперь меня уже звали по имени.

Я пошел на голос. Мало ли что, у нас граница близко. Вот это то самое противное мое любопытство с детства. Все равно интересно. Пусть и страшное. Я не буду ругать, проклинать или доказывать что-то, мне просто интересно. Новые могилки я оставил позади, эти давние. Здесь основательные памятники, гранит и железные чугунные игрушечные заборчики и калитки.

– Что испугался? – сказал мне человек, больше похожий на плотный венок, приставленный к столу с одной стороны. И если бы не этот голос, мне было бы страшновато поначалу.

А причина проста, – это все лунный свет, лежащий своим сиянием на трехцветном кладбищенском пространстве. Небо было тоже ярким и темно-голубым.

– Да, Луна вон какая, тут и поневоле подумаешь черт и что.

Это я подошел совсем близко, но пока так и не узнал сидящего.

– А знаю, это ты! – сказал сидящий. – Кого тут еще будет носить такими лунными ночам. Садись напротив, дело есть!

– Грибы. – сказал я, принимая приглашение. – Некоторые грибы надо брать в темном лесу и при вот такой луне.

– А вот теперь я окончательно опознал. Так сказать может только один человек и это ты. И я не знаю, так верить тебе, или нет.

– И я тебя знаю. – сказал я. – Ты из транспортного цеха. Возил наше начальство, потом директора.

– Точно! – сказал он, – Тут вот какое дело, надо маленькую душу помянуть. Ты не думай, я тебе не самогон предлагаю.

– Если, только одну капельку. – сказал я.

– Но у меня настоящий коньяк! Какая тут капелька! Да еще от самого ректора нашего завода. Оставил в машине. Ну, вот и все. А то одному как то неудобно. Так, какие грибы ты собирал в нашем темном лесу?

– Да эти, шляпчатые, их у нас еще зовут «зонтиками». Ну и если дождевики попадутся, тоже ничего. А вот этого гриба я не знаю. Ты только глянь, на что он похож! Специально всю дорогу нес в руках, чтобы не рассыпался. Смотри, как вся его шляпка блестит под этой Луной. Это же чудо!

– Вот не знал, что такое можно есть. И не отравишься?

– Да китайцы едят их за милую душу и нас приучают. Только надо молоденькими использовать.

Мы помолчали, а потом я его спросил:

– А почему ты сказал, что это по маленькую душу?

– И не только маленькую, но еще и кучерявую. Когда то давным давно я на этом месте похоронил песика жены. Тут раньше было просто поле. Было у меня с этим песиком одно дело. И я из-за него бросил пить. Правда, давно Мне уже кажется, – это было целую жизнь назад. Вот так, моя дача тут поблизости, и хоронил я песика на пустыре, а теперь тут уже кладбище. Вот сижу и гадаю, где он тут?!

Тем временем он не только взял с общего стола бутылку.

Я думал, он шутит так. А он уже и пробку свернул. И вручил мне.

– Ладно, я тут по делу. А вот ты чего блуждаешь в этих лунных потемках. Неужели из-за этих бросовых грибов. Ладно, с тебя тост. Кладбищенский!

Но тут я повел рукой с бутылкой на левую сторону, где широко светила светлая по-новому большая Луна.

– Сейчас она самая такая, волшебная. Вот и вышел зайчик погулять, посмотреть на Луну. А заодно и грибочков набрать. Я ведь тоже давненько не пил. Лет так десять. Всего один глоток, за нашу Луну.

Я повернулся к Луне и...

– За твой яркий непередаваемый отраженный солнечный свет, дорогая!

На закуску маленького глотка настоящего коньяка шел кусочек гриба. Ну не буду же я держать его все время в руке. Распластанное тело гриба мрело под лунным сиянием, таинственным, ведьмовским цветом. Так сияет в темноте желанное женское тело, когда все в первый раз, как у меня тогда. И эта Луна была тогда, над нами. И как тогда, она тоже была полностью круглая.

Теперь такого мы больше не увидим. Настанут и для нас тоскливые темные денечки, мы будем дома, или в пути и нам будет просто не до нее. Всего один глоточек!

Я сделал маленький глоток, но лицо и грудь понизу стали теплыми.

– Тогда давай и я тоже. В самом деле, луна такая, что. Ну и как положено на горе, на кладбище этот гриб будет нам за закуску, как причастие.

– Ну и что там с твоим песиком случилось!?! – спросил я, – чего это ты его стал искать?

– Да не в самом песике дело, а в его могилке-бутылке!

И мой сосед по столу и по ночному лунному кладбищу начал издалека.

– Я ведь про тебя многое знаю. Знаю, что ты пишешь, и не удивился, когда ты ко мне подошел. Другой бы на твоём месте дал деру и уже на улице Октябрьской был бы. И знаю, что ты разные истории собираешь, точнее интересуешься. Вот одна из таких. И поэтому я отвечаю на твой вопрос. Да! Я тут похоронил песика. Но никогда не думал, что тут настоящее кладбище будет! Что мы с тобой доживем до этого...

Сосед сделал свой глоток и передал темную скляницу мне. Луна уже полностью поднялась над нашим холмом и уже светила на стол, словно пришла к нам третьим нашим собеседником. И мальчишеский страх пред кладбищем, перед покойниками, которые буквально лежали под нами, отступал незаметно. А вскоре и его не будет. И в этом нам поможет наша Луна, а иначе, зачем сейчас она такая большая.

– Так почему этот песик был похоронен именно здесь. – спросил я и лишь только через полчаса уразумел такое.

Было приятно сидеть на нагретой лавке, смотреть на луну. Но потом все же так сосредоточиться на том, что

втолковывал мне личный шофер директора. Вначале ориентиры были. Тут труба химического завода, там железнодорожный мост и приземистый дуб на опушке. И еще что—то, которое так и не разглядел и не запомнил. Типа столба линии ЛЭП. Эти три ориентиры можно было рассмотреть и сейчас при свете Луны.

Где то тут, на бывшем колхозном поле, а потом на пустыре, вблизи нашей чугунной скамейки все эти три ориентира сливались в одну точку. И в этом месте пересечения и находилась могилка этого самого домашнего песика.

Дело было житейское. Когда год как неделя, день как воробышек, а час кажется нестерпимым. Жена была как жена, муж как муж. Все вместе работа, дети, которые в своей жизни. Дача вот, правда, около кладбища. Но привыкли.

А вот с женой дело было такое. Поговаривали, даже так клялись, что. А он просто махнул рукой. Не будет он разводиться, и не будет укреплять ее расхристанный передок. Он это давно знал. Она всю жизнь такая. И он тоже такой.

Но тут у жены появилась собачка, маленькая, как известно уже, черная кучерявая, злая, острая, в свою хозяйку пошла. А ненависти у нее было еще больше, особенно после того, как она по ребрам получила раз-другой по-домашнему. С балкона вылетала, правда, всего один раз, когда жены вообще не было дома. И поэтому жена всегда знала, когда муж приходил домой пьяный. Даже если он просто стакан пива выпьет. Стоило только дверь открыть ему на первом этаже.

Тут уж обе заодно устраивали истерики, всеобщий домашний шум-лай.

Но исподтишка справился и с этой задачей. К этому времени он и сам бросил пить. А однажды друзья подарили ему на день рождения огромную персональную бутылку водки с будущей надеждой выпить при непьющем хозяине. А как бы не так! Ведь среди этих названных друзей и был тот самый! И он им ответил.

Что похоронил он эту бутылку вместе с домашним сдохшим песиком. Координаты вы знаете, кладбище номер один, не работающая труба химзавода, опушка леса, столько то шагов, где каждый шаг – год, от высоковольтной опоры.

Правда, к нынешнему времени, он и сам позабыл где, а начнешь копать, искать, впердолят статью. Осквернение кладбища, и еще немного, по мелочи. Экстремизм, оскорбление истории.

– Так это же настоящая легенда! – восхитился я. – Так и лежит?!

– Так и лежит, – подтвердил мой собеседник по ночному лунному кладбищу.

– Настоящая легенда!

– Да таких легенд в нашем городке, знаешь сколько – полная кошолка. Хочешь?!

И наперебой мы стали говорить о всем таинственном, что могла произойти в маленьком нашем городке на букву Щ!

И это все потому, что нынешняя Луна с большой буквы

на обыкновенном первом городском кладбище.

Вот что делает одна маленькая бутылка, одна шляпка от какого-то местного гриба и активный свет Луны на кладбищенском чугунном столике.

Оказывается, мы жили в детстве рядом с полоумным Ваней, по кличке Ваня Хнуля. И сосед конкретно утверждал, что тот вернулся с войны и был он разведчиком, командиром, а остальная его жизнь – есть результат контузии.

Что первые году существования интерната для престарелых, туда приходил призрак молоденького офицера-танкиста с обуглившимся черным личиком.

Что за старым зданием больницы есть бывший морг, превращенный нашими коммунистическими идеями в уборную о шесть очков. Что здесь, на стене, есть крест, которому если помолиться ему и под ним, то выйдет тебе помощь.

И это благодать была, несмотря на то, что именно здесь все привыкли облегчать нужду, выбрасывать использованные презервативы и шприцы, заодно с бутылками и пробками своими.

Что есть в нашей местности забытая, намоленная и убитая слезами и кровью русских людей дорога, по которой вели татары русский полон в далекий Крым.

Что при первом разрушении Ребиндеровского замка нашли тайную комнату и в ней три сундука с медными деньгами для расчета с рабочими и служащими.

– Да хоть бы возьми вот наш пригород – бывшее село Ло-

говое. Ты хоть, как писатель, знаешь, что в это место раньше при царе Горохе сюда ссылали всех пойманных в Московском государстве колдунов, ведьм и чародеек. Тут такое кубло было! И если вот в такую то ночь ты попадешь туда, то пропал человек. Или высосут все мозги через мужской орган, или воротишься таким богатым, таким проклятым, что тебя обязательно плохая болезнь завалит.

– Да, да, это наша Логовая!

– Я и сейчас я одну бабушку знаю, она грыжу заправляет, лечит волос, что под ногтем, страх заговаривает. Если хочешь дам адрес. А меня мать к ней направляла, помочь мне с женой.

Луна внимала всему. Она в самом зените чуть уменьшилась, но все равно была огромной чистой, единственной. Сияющей! И свет и цвет стали нормальными, только ярко-лунными

– У нас, на этом кладбище номер один, еще похоронена бывшая участница ЧОН-ОГПУ. За заслуги в деле пролития людской крови ее не расстреляли. А сослали в заштатный наш городок работать старшим мастером ночной смены машзавода. Наш завод был самым крупным предприятием поселка и на нем делались нефтяные двигатели для колхозов. Или вакуумные машины для промышленности...

– Что-то слышал, но про мастера в первый раз. Про морг около больницы тоже знаю. Сейчас там просто кладовая для старой медицинской техники.

– А на месте цеха где мы и работаем, был огромный на всю губернию спиртзавод. Из настоящей своей свеклы и пшеницы гнали тоже, как и у тебя, чистейший. По революции, когда был знатный хапок, типа нынешнего, тащили этот спирт из огромных бочек к себе домой ведрами, баклагами и бочками. Теми же крынками. Только скажи, почему при помещике пьяниц было раз два и обчелся, а спирту было море, а потом стало так, что все пьяные, а спирта уже такого совсем нет. Знать, в самом деле, мы что-то пропили по настоящему.

Мы помолчали, сделали по третьему глотку, а потом мой ночной лунный друг полез в сумку около правой ноги и достал черную коробочку.

– Сейчас мы под эту луну и коньяк музыку заведем. А то одному то ли неудобно, то ли жутко. Тебе какую мелодию выбрать. Выбор огромный, два гигабайта.

– А есть Вивальди? А чтобы уж совсем, то давай «Танго смерти». Пусть наши собеседники и читатели послушают, заодно и прочтут. И побывают здесь, сейчас.

– Сейчас, только найдем нужную букву. Впрочем. Давай пока, я буду искать, ты послушай вот это!!

И завораживающая мелодия, на всю жизнь теперь любимая мной, выстроила неспешный величественный хоральный собор чарующих звуков от стола на кладбище номер один до самой Луны, что стояла над нами. И чтобы жить, надо было дышать глубоко-глубоко.

Это была «Сарабанда» Генделя.

В этот единый сияющий миг ежи, ящерицы и змеи на опушке леса и на поле бросили засыпать на зиму и стали прислушиваться к чему то такому, что раскрывало тайну о нашей общей жизни. Сейчас, под этой огромной, и все поднимающейся вверх и вверх, Луной.

Вот где и была главная тайна всей нашей жизни.

И под этой же Луной мы сошли вниз и распрощались. По ходу мы говорили о еще каких-то тайнах, но соборная музыка все звучала в нашей душе. Мы еще немного поделились тем, что знали и тем что думали, что пропадет с нами двоими навсегда.

Это подземный город в горах возле села по нашей стороне города, коммуникации Ребиндера, смерть матроса Горяинова, явлении иконы Смоленской, отсюда и до Белгорода. Тайна захоронения и попытки вскрытия могильного склепа вышеупомянутых помещиков.

И уже расставшись, я вдруг ясно вспомнил один чудесный миг в своей жизни. Это было весенним днем на речке Коренек, что течет до слияния с рекой Нежеголью. Мы одной компанией сидели на берегу реки. Купаться даже по нашим меркам было еще слишком рано. Одуванчики еще не расцвели. И весь берег после сильного половодья был в нанесенном иле грязи. На нем так хорошо отпечатывались наши следы. Сидели на теплом, кому что досталось, камень, брошенная зимой охапка хвороста. Бревно. Ворох речной ветоши после половодья. Говорили о рыбе и что хорошо бы тут

сварить уху. Хотелось есть. Но домой не уходили, впитывая в себя весеннее, солнце и небо с облачками. Дружно смотрели на холодную, серую после половодья, все еще бегущую речную воду.

Потом кто то из компании принес на палке кусочек использованной по назначению бумаги, вырванной из школьной тетради. С одной стороны соответствующий мазок, с другой текст, написанный химическим карандашом. Я даже прочитал предложение посредине. Слова были написаны печатными корявыми буквами.

Так в мою жизнь вошла первая, самая сладкая, церковная молитва. Многих букв и даже предложений было не разобрать, но моя и наша жизнь восстановила все.

Я тогда сделал вид, что забыл спички и бросился назад, нашел эту бумажку и принялся стирать то поганое, оскорбительное, что было на ней. Кусок вербовой палки, листик мать и мачехи, стебелек камыша. Слова молитвы, написанные химическим карандашом, через долгих десять лет вновь и заново вошли в мою жизнь.

Теперь в правом кармане моей фуфайки лежала чистая бумажка, от нее даже не пахло совсем! И никто про нее не знает.

А потом бросился догонять своих друзей.

* * *

Мое сошествие с кладбищенской горы в городок на букву Щ было незаметным. Так вот какие растут у нас грибы под большой яркой луной на чистом небе. Хотелось бы поделиться когда-нибудь этакой радостью. Однако это пока еще цветочки, всего-навсего, это только один исчезнувший из нашей жизни химический комбинат, один биохимзавод. А вот, когда в нашу жизнь и в наши клетки-органы вступит завод премиксов, когда на наших полях появится многочисленное потомство ГМО, вот тогда и оценим новые возможности и ушедший строй.

Но все равно будет Луна, и ее свет достигнет самых укромных полянок в лесу, вот тогда и можно будет ожидать появления этих маленьких шляпчатых хрупких грибов. И каждая шляпка будет щедро смазана блестящим жиром. Тот самый жир, что унесло болезнью с тел и остовов э умерших от рака и просто от жизни местных людей. Не будем забывать и желто-коралловые скелеты убитых в бесконечных войнах. Их тут много.

История Щ есть только малая частичка всеобщей истории. Но это место, место «Щ», в разлучине пологих и светлых в темные ночи, гор и овражистой степи в истории здесь, из-за напора смерти и новой жизни обладает почти космическими силой и мощью, чтобы поддерживать вокруг существующий порядок.

Сладкими и безбрежными для творческих сил и порывов будут эти кривые грибочки, что растут раз в пять лет, и раз в жизни на лунных полянках дубового леса при кладбище города Щ.

Белые поля на нашей истории

*Метла моя всегда должна стоять там,
где она положена.*

«Белые пятна», именно так их нарекают современные историки, которые есть почти во всех учебниках современной истории. Это как бы, знаки прикрывающие собой то, что ушло навечно и необратимо. Есть они и в нашей, местной, шебекианской истории. Куда ж без них? Да вот, сразу, навскидку, уж белей этого не найти. Разве что по военному времени, когда снег укутывает поле битвы так, что ни одной кровиночки, ни одного мертвого или искореженного человеческого тела не видно.

А вот у нас по другому!

Представьте себе самое белое-белое колхозное поле все усыпанное вчерашним и сегодняшним снегом. Русское поле, которое Господь вновь укрыл своим чистым покрывалом. И продолжает сыпать мелким производственным снежком. Поле и небо сейчас бескрайнее.

Где то, по сторонам, тоже присыпанные белым наш город, и село в котором живут командировочные. И впереди, как знак окончания и примирения, огромная раскидистая колхозная верба. Под ней, иногда, изредка, проводят совещание или дегустацию либо же разводят костер. Сюда заботливые

начальники подогнали два трактора дров из разрушенного телятника. Правда, нет ни пил, ни топоров. Но почти у всех есть ножи заводского производства. Потому что сделаны они на местном заводе машиностроительном, потому что все это есть Битва за урожай. До Нового года, всего полтора месяца, а под снегом оказалось все полтыщи гектар сахарной свеклы. А тут еще этот ранний снег!

И снег этот утром почти по колено, а в невидных ямках так и по пояс. Только вот под этим белым многогектарным покрывалом скрыты, и навсегда, нескончаемые ряды зеленой свеклы. Которую надо к Новому году, вырвать красными от холода руками, и доставить хоть на какую-нибудь переработку.

Но пока идет снег и почти нет ветра, работать так даже тепло. Весь наш завод в сражении, за будущую сладкую жизнь. Еще бы! И можно выпивать почти в открытую! Тут сейчас можно даже заработать, больше чем за станком. Впереди мужчины, позади женщины с большими ножами. И постепенно весь наш отряд продвигается к мутному горизонту.

Позади нас, как после монгольской конницы истоптанный снег, слякотные куски земли и бугры с чищенной свеклой. Свекла в этом году удалась. Отменный бы был урожай, если бы не было этой погоды, И если собрать урожай, как в Америке или Израиле...

Еще одна замороженная свеклина-свекловища, тяжелая и сколькая в руках, словно отрубленная голова врага.

Стоило лишь мне отвернуться в сторону, как вдруг предстала передо мной равнина, степь, вся в нескончаемом плотном снегу, в бугорках и провалах. Кто там под этими бугорками, очередная свекла или люди, которые тут жили до нас... Или мы сами это? Кто даст ответ?! Пусть первый, кто узнал, выйдет к классной доске. Молчит Русь под серым небушком, и только сыплет снегом.

В руке у меня появляется солдатская кружка, два года пил из такой. Выпиваю и закусываю снегом. Все, что было в карманах уже съедено, а идти назад далеко и трудно. Так монгольский воин, который на переменных конях пересек все пространство от пустыни Гоби до самого Днепра, пьет из китайской серебряной чары кровь своего коня и закусывает снегом. Только и разницы, что у меня история за мной, а вот у всадника все впереди. Вынырнет лава из коней и воинов и запылает большой город и два маленьких селения и начнется новый отсчет уже нашей здешней истории.

Вот тогда то и запомнилось мне это выражение «белые пятна истории», а заодно и другое понятие – «знаки им предшествующие». Вот в этой нескончаемой степной, холодной и на всю жизнь зимней картиной русского поля. Вербка, которая росла в конце поля и нашего дневного задания пришла-появилась к нам из снежного тумана и распростерла над нами всеми свои ветки, когда уже стемнело.

Нас уже ждали. Колхозный бухгалтер определил на свой колхозный глазок объем сделанного. И тут же раздал деньги

из своей сумки. Особо отметили отличившихся, в том числе и нашего Ваню Хнулю.

Он работал один. Без рукавиц, в одной гимнастерке и от его спины, если ветер стихал, валил пар. Он сам выкапывал свеклу вилами и сам сносил в кучи. Жгли костерок, дожидаясь, когда к автобусам пробьется колхозный трактор и сладкий запах горящих вербовых веточек навсегда вошел в мою жизнь. Ведь в нашей местности век вербы почти равен веку человека. Ну, может быть, чуть больше.

Потом, все вместе, в том числе и трактора и три автобуса полные под завяз, ожидали, пока наш Ваня закончит работу. Так в мою жизнь вошли два понятия: Ваня Хнуля, рекордсмен беспощадного труда и огромная верба, которая была как дом. Под ней даже снега было меньше..

Тут я буду на следующее лето. Уже на нашем, колхозном, сенокосе. Под вербой у нас лагерь, палатки, огонь котелки с кашей из пшена и сала с колхозным мясом. Я еще не умею косить и меня отдали в помощнику нашему вечному заводскому уборщику, нашему контуженному и полоумному Ване Хнуле.

Позади этой огромной вербы и дальше до реки огромный ровный заливной луг, где косят сено. Трактор тут не пройдет. На мягкой земле, если на нее наступить крепко, выступает вода. Тут впервые увидел, как наш Ваня Хнуля косит траву. Нас двоих, контуженного и заочного студента транспортного цеха, как самых здоровых и дурных, поставили ко-

сить сено на самом низком участке. Там где вода уже сама стоит в углублениях. Во время малого перекура мы одинаково выливаем из своих сапог воду.

Я в этих сапогах из армии пришел. А вот у Вани моего сапоги оказывается еще те!

Тонкая крепкая подошва, халявы не из кирзы, как у меня, а из мягкой кожи. Настоящие офицерские. Даже шлевки, за которые тянут сапог на ногу и те кожаные. Хорошие сапоги, богатые

Его личная коса была огромной. Сам он еще больше и густая перемешанная высокая трава неожиданно выстраивалась перед ним в ровный чистый валок. И шел наш Ваня Хнуля по чистому зеленому ковру, как по английскому газону. Я пешком не успевал за ним. Хотя моя коса была много меньше.

А около той вербы стоял узелок, и в нем, я вспоминаю, тогдашний рацион рабочего. Бутылка молока, заткнутая газетной пробкой или кочерыжкой от кукурузы, два яйца и добрый шмат сала. А рядом уже лежала одна и та же книга в сером коленкоровом переплете. Про нее позже я узнаю все.

Все давно «пошабашили», перестали работать под палящим солнцем, а у нас двоих режим был по заводскому расписанию. Перерыв на обед точно с двенадцати до тринадцати часов пополудни. Вот, оказывается, почему никто не хотел с ним работать.

Но зато я мог ближе рассмотреть Ванины руки. Они были

не просто толще и шире моих, а толще и мощнее раза в два. Попробуй такому возразить. И точно минута в минуту мы отправились на свой загон. Над нами даже смеялись, отчего бы и не полежать, играя в карты, когда нет над нами начальства.

И у большой вербы, где стоял заводской автобус, мы были ровно в пять часов. Нас опять уже все ждали и ругались.

Но теперь уже все. Больше никого нет и верба лежит, как сгоревший инопланетный корабль. И то огромное поле и луг уже почти не русское. Теперь все это уже принадлежит компании, чей сверкающий хрусталем офис находится не то в на Кипре, а может и в самом Израиле.

Сейчас на то поле, но равно как и другие, просто так и не выйдешь. Полиция, шлагбаумы, и небесные дроны, все следят за соблюдением международного договора.

А ведь писалось об этом в той книге, что была в котомке Вани Хнули, предупреждалось. Зря мы этого не читали, вот теперь живем на чужом пиру. Новая лава воинов в своих панцырях-экзоскелетах пронеслась и оставила очередной новый порядок

Вот почему мне хотелось рассказать о тех, которых уже нет и больше не будет. Они были в моей жизни и как оказалось, имели свое влияние и на меня и на нас всех. Они это наше все, без них все уже не то. И поэтому иногда мне хочется найти хоть одну могилку и заново принести туда букетик из тех трав, которые косил когда-то Ваня.

Ну вот, наконец, наступила очередь нашего, а теперь уже до моего Вани Хнули. Может быть Хнулей его звали из за того, наверное, что он гнусавил и не замечал этого. Было неудивительно, если только посмотреть на лицевой шрам, который располосовал левую щеку и почти пересек нос.

Ведь сейчас деньги и лекарства у государства есть и таких изолируют. Или забирают куда-нибудь, сидеть-жить красно-белой редиской. У цветного телевизора или на белой койке. Под синей государственной крышей. А вот в мои времена моего детства, в моем государстве, они жили рядом со всеми. И в моих воспоминаниях детства, той истории, что выпало на мою жизнь они занимают значимую часть моих воспоминаний. Это как сон о сне.

Так было такое, или не было?

Есть в жизни понятие, как «третий сон». Человеку снятся и запоминаются два одинаковых сна. И когда то наступает третий сон, в третий раз, и тут уже веришь, что все это было на самом деле. И эти сны как-то измеряют нашу жизнь.

А в этом сне я равен Ване Хнуле, а лейтенант разведгруппы артиллерийского полка Иван Гнулин, все тот же полубезумный Ваня Хнуля, равен мне. И теперь только я храню эту человеческую достопримечательность нашего городка на букву Щ.

Работал он заводским дворником и вся площадь перед бывшей конторой машзавода по утрам была в полном его распоряжении. Он брал с собой две метлы, на случай, что

одна сотрется или сломается и мел так истово, что можно было удивляться, тому, что он не делает никаких перерывов. Для него оказывается, работа это было богоугодное, святое!

И вид он имел богатырский, руки ровные толстые и уверенные, сам небольшого росточка, но крутая выпуклая, как у голубя грудь, была сама себя шире. На ней фартук лежал ровно, без складок, как на письменном столе. И тело у него было крепкое, как дубовая доска

Посему было весьма разумно вручить этому боевому выносливому телу метелку, а не кувалду, или лом. Работу ему выбирали не по рукам, а по голове. Именно эта голова ему и говорила, что раз он дворник, то все должно оставаться чистым и хорошим, как и раньше. Вот поэтому он и не любил всего нового, всего того, что меняло раз и навсегда установленный порядок.

Так, вот это самое интересное. Площадь у нас была какая то скособоченная, а так как на ней были обширные малые и большие выбоины, иногда доходившие до самой земли, то вся площадь, особенно если глядеть сверху из конторы сверху, напоминала карту, конкретную карту Сталинградского сражения. И в соответствии с плакатом, который был посвящен десяти сталинским ударам, Ваня мел конкретно, и по плану. Вначале удар ниже излучины Волги и лишь после навстречу, где весь мусор подхватывался в ведро. Сколько ему не говори, что нельзя так мести, людям навстречу, Ваня не принимал во внимание. Но были у него и еще плановые

заскоки.

К примеру, в тяжелую пору Ваниной Хнулиной жизни, когда вдруг в связи с реконструкцией общезаводской проходной его ящик со всеми принадлежностями как то метелки ведра, огромный спецовок, – все это чохом взяли и отвезли в другое место. И такое было уже в третий раз!

Разумеется, что это опять, в третий раз не понравилось нашему Ване. Реформы знаете ли дело трудное и небезопасное. Он ругался и выбрасывал свое хозяйство из ящика, чтобы все стало на свои места. На него страшно было смотреть, а стоять тем более, – слюна брызгала на два метра.

И вот в это время появляется и сам, как говорили двадцать лет назад, один из «прораб этой самой перестройки», и его нелегкая понесла прямо к Ване, прямо к разбросанным посреди новой площади метелкам и веникам. Уже мчались к новому директору, шестерки на окладе, но было поздно. Директор самолично вступил в тактичный разговор с представителем рабочего коллектива. А у Вани Хнули к этому времени уже был опыт такого уважительного контакта.

Это женщины-оторвы из литейного цеха своими липучими приставаниями доводили бедного Ваню до белого каления. Своими рассказами о жизни, о любви, о том, что надо делать, прежде всего. И как. И кто первая. И кто на закуску. Еще одна забава появилась в них, прятали его любимую книжку. Садились на нее, плевали между страниц. Мазали своими тряпками. Ох, не надо было бы им делать этого. Пой-

дет ведь прахом вся наша работа. Жизнь наша и мечты. Как и здоровье.

А Ваня всегда сатанел от этого женского хора, а тут всего какой-то директор. Пусть из самой Москвы. Ваня поворачивается к нему и коротко посылает его и всю его московскую братию, туда, куда и учили его малые здешние ребяташки. Да еще со своим издевательским ленинским проносом. Связанным с мужским половым органом. Директор цепенеет. Вся его московская, косыгинская реформа проваливается с треском. Сотрудники стоят вокруг и дружно молчат. Попробуй скажи сейчас что-нибудь наперекор Ване нашему. Все знают и видели, как он кулаком прошибает доску сороковку. И твою грудь точно также. Слава Богу, подбежали оплошавшие шестерки, непосредственные Ванины руководители, которых он слушался всегда. и все объяснили.

Да и впрямь не стоит с ним, дураком, связываться, опять пошлет, хоть ты и директор. Директор и в самом деле вскоре уехал в Москву свою, машзавод был как площадка для карьерного старта. А у нас все осталось по прежнему, женщины опять получали двойной аванс перед Восьмым марта, а Ваня Хнуля мел новую площадь, на которой стояла уже всего три новых плаката, с новыми партийными призывами.

Но все понимают что опять у нас будут низкие зарплаты, в темных бытовках продуктового магазина всегда будет полно крыс и тараканов, а по воскресеньям коллективом будем убирать в подшефном колхозе свеклу, кукурузу на силос

и силос на кукурузу. Либо резать веники из вербы на корм скотине в самую зимнюю пору, когда снегу по колено. Ваня Хнуля и свою жизнь и нашу заодно посылал самым дальним и самым близким путем.

А эта серая книга, что когда то читал Ваня, я так и не дочитал ее до конца. Не успел. Брал другой экземпляр в библиотеке. А потом пришло распоряжение из обкома партии, изъять из всех библиотек, выставок и Домов отдыха эту серую книжку и отправить на макулатуру. Поставить, так сказать, шлагбаум. Вот и поставили.

* * *

С другим представителем щебекианской дурковатой элиты я сталкивался в своей жизни тоже часто, земляки не дадут соврать. Его звали Коля Пенкин. Вот почему, когда я поначалу вспоминал, смотрел или слушал своего хорошего, до сердца, певца, я не мог не вспоминать и мое знакомство с таким роскошным типом, как «мой Коля Пенкин».

По моей жизни довольно часто мне и я сам говорили так: «Ты что, Коля Пенкин?!», в смысле того, что делаешь не так. И совершенно зря.

Коля Пенкин имел немалое для меня значение по графе «самое важнейшее из всех искусств является кино». Да он и одет был по всем правилам кинематографического искусства, галифе и сапоги, полувоенный френч и вот на этом

фоне посреди простого русского лица торчит курносый нос с двумя круглыми отверстиями весьма приличного размера. На голове казачья фуражка, и ни у кого не возникало вопросов. Ну, как тут было не улыбнуться.

Это он, выходя из зала бывшего кинотеатра Химик, что располагался напротив химического завода, а там была такая особенность, что выходящие зрители шли по пандусу мимо тех, кто покупал билеты на следующий сеанс. И когда Колю Пенкина спросили как фильм. И в этой очереди был и я, все хотели увидеть фильм, которую предрекали большое кинематографическое будущее, и я так боялся, что билетов мне не достанется.

Коля остановился, крутнул пальцем в правой, ближе к будущим благодарным зрителям, ноздре и сказал одно слово:

– Поедут. Не маленькие. А то!

Ну и что же!! Билет мне тут же сразу достался, и фильм, как я убедился попозже, был и в самом деле из категории – «Поедут».

До сих пор едим. И даже словечко его вернулось, И в Интернете и в самом малом телевизоре.

АТО!

* * *

И еще одна последняя насколько я помню, общегородская примечательность – Женя Барканова.

Все никак не могу вспомнить на какую ногу она была хроменькая, но ходила она быстро, деловито, имела фигуру скобоченную, но всегда чистенький платочек на голове, повязанный по-больничному. Бежит, потом остановится около меня и быстро спросит.

– Ну что, Витька, как дела? Как мать?!

Помню меня так это бесило, обижало, я не говорил с ней, посылал матом, как и положено было с ней разговаривать, и ничего, она постоит, подождет своего ответа и умчится в любую сторону. Это я уже потом сказал ей.

– Да так, Женя. Вот армию отслужил и приехал домой, И что делать не знаю. Наверное, на машзавод.

А тут Женя Барканова вновь умчалась от меня в свой очередной раз. Я уже знал, что она всех Витьками называет. Но меня то, она называла правильно!! Ускакала она тогда от меня навсегда.

Больше я таких не видел. Уколами, химией, домами инвалидов и престарелых из таких делают или овец или траву. Они пропали, как пропали плакаты с партийными призывами. То ли у нас доброты стало поменьше, то ли химии и физики побольше. Пропали все мои дурачки и дурочки. Как пропали и где их скромные могилки. А чистенький, кем-то повязанный платочек на кривом женском личике, так и стоит в глазах.

Где они, какая судьба выпала моим знакомым, когда, кем – ничего это не известно и никогда больше не узнаешь.

А ведь хотелось бы их побаловать и прийти каким-нибудь весенним днем, чтобы положить на их могилки все мои богатства, которыми я владел в детстве. Это патрон от немецкого Парабеллума, связка пескарей, которых я наловил с друзьями, или двухлитровая банка с лесной земляникой. Или кадры с дохлой, плывущей вверх брюхом, рыбой, когда запустили завод ПЖС.

Либо же показать им другое, настоящее кино, когда в Ржевском лесу мы нашли три мины, сложили их в кучку, а четвертой швыряли сверху. Но мы были не совсем были совсем уж придурками.

Мы прятались за стволом небольшого деревца и смотрели на стальную смертоносную кучку по очереди.

Ну, кто же тогда, как не мы сами, и были настоящими дураками! Оказывается, надо было подвесить самую большую мину на веревке, а ту веревку поджечь, чтобы мина упала непременно зеленым взрывателем на остальные. А мы бы тем временем сидели за кустами в небольшом окопчике и смотрели бы, как горит веревка...

Эх! и гнал бы нас своей новой любимой метлой Ваня Хнуля! До самого бы бело-мелового карьера. А то бы мог и сверху камнями кидаться, чтобы не дразнили. Ваня Хнуля боялся высоты и поэтому в политику не лез, кидался издалека, так что мы чувствовали бы себя в безопасности.

Земля наша будет вам всем пухом и любовью, которой так не хватает нам всем, особенно русским, особенно в нашем городке. Как разделились когда то в революцию. Да так все и осталось, только наоборот. Но это еще не конец этой нашей первоначальной бело-пятнистой истории.

Помните, я про Ваню Хнулю рассказывал, как он мел площадь перед заводом? Почему не прямо, не с конца или с начала. как и положено нормальным дворникам?! А большими двумя охватами-заходами, пока весь мусор не соединялся в центре. И уж тут он его, мусор, пинал ногами, бросал в ведро и выносил, четко печатая шаг.

Все потому, что книга, что была у него в руках, под той огромной вербой, была исследованием по Сталинградской битве. А было еще и три сталинских удара, от проходной и до гастронома, что на противоположной стороне площади. Враг будет окружен полностью и безжалостно разгромлен. И так было каждый рабочий день. И не уйдет, не забудем мы эту войну, будь она проклята еще и мною.

В нынешнее время, что ни год такое бывает весной. Реконструкцией называется, когда разыгрываются взрослыми людьми детские игры в войнушку. Понял потому. что подарили мне личную книгу в коленкоровом переплете, которой наградили когда то солдата и младшего лейтенанта Ивана Гнулова от лицо командования. Все это и остальное, что он приобрел на войне на свою голову.

Ну вот и еще одно пятнышко белое для меня исчезло, еще одним бугорком в снежной степи моей стало меньше. Из снежной пелены возникли высокие военные зеленые машины и увезли на себе все, что было с нами и что надо было забыть.

Земля да будет вам пухом, развеселые мои, придурастые земляки. Когда-нибудь я тоже, как и мы все, будем с вами. А вот мне есть, что сказать вам.

А что касается Вани Хнули. то надо сказать, чтобы вы все знали, что косил он русский луг намного лучше, чем сам наш Лев Толстой!

* * *

Много позже я вспомнил еще одного памятного для ребенка человека. Слишком я в то время был маленьким. Правда, тот ужас и страх как то по жизни прошел сам собой. Помню, не помню – все забылось.

А вспомнилось вот как. Когда-то в том же колхозе, что в нынешнее время стал вотчиной московско-иудейских мужей, сжигали ненужные бумаги. И я там был помощник. Дело было весной, мой трактор был ненадежный, да и я сам такой же. Ведь всего три недели тракторных курсов на заводе, перед плакатами с анатомическими разрезами тракторных потрохов.

Вот и послали меня. Целый кузов бумажек, о ходе сева,

о поведении дня колхозника, о сроке содержания поголовья коров. Осеменение оных. О распределении безвозмездного займа среди колхозников...

Белые, зеленые, красные туго связанные папки Тут все вместе, как в гражданскую нашу войну. В папках, просто слоями или перевязанные бечевкой, а уж скрепок тут, как тараканов в той избе, где и ночевал я во время колхозной командировки.

Скинули все кучей стали сжигать. Но бумага за зиму пропиталась влагой, слиплась. Папки надежно прикрывали собой сухие бумаги, но выдирать их было долго и нудно. Поэтому облили соляркой, подправили бутылкой бензина и тут, как занялось все одним пламенем. Пришлось даже отбежать назад.

Тут все сразу высохло, все загорелось. Все мы равны перед чем-то, о чем не принято говорить и даже думать. Наступит и это.

Под напором огня папки лопались и листки стали вспыхивать на лету. Вдобавок пошла еще одна бутылка бензина. Пламя взорвалось вверх и сгоревшие листки, как черные птицы, полились вверх друг через друга. Да степной ветерок еще помог. И все огромное снежное поле усеялось черным бумажным страшным пеплом.

И все вспомнил. Даже тот самый, настоящий ужас детский испытал.

Огонь, черный пепел летит, а за костром из бумажек сто-

ит и кричит вверх худой черный человек и лицо его к небу, в страшной черной бороде. Тянется руками к небу над собой, и они у него трясутся кверху, как острые шипы хищной птицы. И не поймешь он или кричит или стонет громко. Тихо, так не кричат. Громко, так не стонут...

Взрослые почему то ничего не говорил нам о нем. И уже наверняка не осталось ни одного свидетеля. Но однажды я уловил в разговоре о том. Что вот мол был в нашем городе единственный свидетель, писарь из страшного лагеря, в который вели ворота с надписями Труд освобождает, Труд делает свободным, Труд во имя страны делает тебя единственным.

Или это мой сон был. Или я такое видел в мультиках. Уже не понять – поздно. Все было забыто. Ведь это было как раз в те года, когда все наши вожди и начальники грызлись на смерть, забыв о Родине.

Вечный им снег на могилы, по колено, и выше!

* * *

Все это пока меня не касалось, я знал-то этой осенью наступят опять дождливая погода и все скроется в сереньких, цвета жемчуга, облаках и ничего я не увижу. Тем более, самую большую в этом начавшемся столетии Луну, окрашенную в красный желтковый цвет больного яйца.

Но вышло иначе... Да еще и как! Дни были в самом деле

дождливые. И только всего один день промелькнул тогда для меня.

Но для меня эта Луна с заглавной буквы, была самая большая по всей моей жизни.

И ей я посвящаю и свою юную жизнь, и жизни моих друзей, епанутых на всю детскую голову, минеров, равно как и жизни всех моих придурастых взрослых.

Новая Таволжанка (литературное фэнтази)

Но самое славное время было словно уже было приготовлено, как на блюдечке. Ничего не скажешь – весна!

И сердце бьется глубже, и грудь дышит шире.

Да и как же тут не жить, когда после зимней долгой зимы – ночи в Москве вдруг вырываешься на простор, а все деревья одеваются в свой весенний наряд и ночная луна льет свет на все зеленое, новое богатство земли.

Самым ранним утром, когда еще и чужие слуги спали, Афанасий Афанасиевич тихо от жены вышел на балкон. Аккуратно закрывает за собой дверь и набирает полную грудь воздуха – сейчас он увидит луну. Она уже и так светит на его белую рубаху.

Будь он дома, в своем имении, он бы уже давно крикнул Семена, своего слугу и велел принести воду из родника, чтобы запить лекарство, а потом велеть приготовить пить чай и ехать на дальнее поле, посмотреть взошел или овес об эту пору. Или на конюшню, как себя чувствует жеребая кобыла. Но в гостях – значит в гостях.

Луна, как он и ожидал, ударила его сразу, всем своим текучим блеском, потом после того как глаз привыкал, то обнаруживалось, что луна, как хорошая хозяйка, присутство-

вала везде. Даже в тонкой весьма искусно сделанной, чугунной ограде балкона на темных бархатных переливах металла, словно драгоценная роса спешила быть лунная острая сияющая точка.

А когда подошел к самой ограде и взглядом обнял весь простор и теплый весенний ветер, и несмолкаемый, во всех темных углах сада песни соловьев – словно помолодел душой на сорок лет.

Под порывами весеннего ветра вдали побежали темные волны соснового бора. Молоденькие совсем сосны, но как блестит, переливается их густая хвоя. А за ними стремятся в темп густые могучие и наверняка уже дуплистые, негодные в дело, прибрежные старые ракиты и вербы. И все же мыслями дальше, дальше, за горизонт к милой Воробьевке, Щигровского уезда, общей нашей Курской губернии.

Да! хоть это и родственники, хоть это и свадьба, но дела зовут.

Да и они тут с Марией Петровной ненадолго. Вот уже сегодня грянет свадьба в молодой саду, что привольно расположен в низу предо домом, загремит оркестр и молодые новобрачные пройдут как князь и княгиня на свой пир.

Но тут соседском балконе треснула и распахнулась дверь и хозяин в белье с папиросой в зубах оглядел все вокруг, и только хотел засветить спичку, как увидел, что он не один. Поздоровались, издалека пожали друг другу руки и стали говорить о погоде, о виде на урожай, и Афанасий Афанасие-

вич со всей своей дотошностью расспрашивал о новом деле, за которое решился взяться его родственник.

Отличное выходило дело, климат благодатный, возможности расширить посевы почти неограниченная, только лишь пропускной способностью завода и его паровых котлов. А на выходе, маржа, когда сам семь на один потраченный рубль, семь рублей профита.

Да и поселянам сподручнее, меньше пахать, урожай больше и убрать его надо сразу и не в свои в закрома, а прямо на завод, и душа не болит.

Нет, отличное, бодрое, разумное дело затеял старший Боткин.

Сын Боткина, знаменитой русской фамилии, привычно принимал поздравления. Но потом велел подать чай сюда на балкон, Афанасий Афанасиевич, вспомнив как был уланом в один дух, оберегая сердце, перемахнул через узорчатую решетку и встретил рассвет, как и привык у себя дома.

Ранним утром, чаем и подведением счетов, и прочими хозяйскими думками Вот только карандашика сейчас у него при себе не было. Но не беда, запомнит, а перед самым выходом запишет обещанное.

Вот тут хозяин усадил его за ранний стол, велел подать новинку, большую, глыбу так называемой «сахарной головы», и что она представляла собой большой сахарный конус такого крепкого сияющего сахара, что и не всякие щипцы возьмут такое чудо.

– Берут – сказал хозяин, – еще и как. Бабки говорят, что помогает зубы сохранить, это не то, что постный, это наш праздничный сахарок.

И в самом деле сахар был крепок и остр, и пить с ним чай прикуску составляло истинное утреннее наслаждение.

О делах уже не говорили, а родственник рассказывал о соседях, что и Ребиндеры, которые проживают недалеко в слободке под названием Шебекино, поставили заводик, но конкуренции быть не должно, рынок огромен. Поляки хотят за это дело взять, но куда им, они то и по-русски толком не умеют говаривать.

Хотя опасность существует. Паны эти берут обхождением, обещают золотые горы. И многие ведутся, словно барышни, которые устоять не могут перед усами да галантным обхождением

Афанасий Афанасьевич мотал на ус и свою длинную бороду. А еще, хозяин понизив голос, рассказал, что рядом с той слободой по прозванию «Щ» есть поселеньице, куда исстари ссылались колдуны и ведьмы и что когда, приходится там бывать, то старается взять с собой помощника, а иначе нельзя.

Одному нельзя, никак-с, околдуют, глазами разденут и руки свяжут, а коли заговорят, или прикоснутся, или не дай Бог стакан воды тебе такая подаст, пиши – пропало, присушит до самой смерти.

И вся жизнь тогда обернется сухомятиной. Тем более по-

эту, да еще и камергеру, и тому рисковать не рекомендуется.

Афанасий Афанасьевич скрывал улыбку в широкой бороде. Да есть на свете любовь, которая присушивает на всю жизнь и он знает, что это такое. И зачем только она дается человеку!

Поэт откинулся на спинку стула и глянул на самый краешек солнца, что вставало за бором. Хозяин Боткин что то еще говорил, что, мол женишок был вроде и не предрасположен, но стоило матушке съездить раз другой в это поселенье-выселок с одной другой головкой сахара, как все стало на правильные рельсы и сейчас он в Елизавете души не чает, хоть и немец, хоть и главный инженер нашего сладкого завода.

Но. Фет уже в вполуха слышал его, своим новым взором он уже видел как в саду под усыпанными цветом вишнями гремит свадьба, и вот поэт поднимается с бокалом в руке и все стихает.

Верная его почитательница Лизонька, уже жена этого немца, ждет. Фет достает из кармана замызганный листочек бумаги и сверяясь с ним, прочтет стихотворение. Уже написанной ранним-ранним утром на балконе этого дома, когда только ему всю светила эта волшебная щебекианская луна.

* * *

В часы забав, во дни пиров,
Пред божеством благоговей,

Поэты славили любовь
И пышный факел Гименея.

* * *

Белоснежный павильон, где и была свадьба взорвался привычным гулом – овациями.

А на грудь поэту майским сладким ветерком занесло лепесток цветка вишни. Словно маленький, но почетный с привилегиями, орден и поэт Фет, отметил это про себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.